

ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ ПОЛИТИКИ SOFT POWER НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (КОНЕЦ XVIII – XIX ВВ.)

Малахова Галина Николаевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Северо-Кавказский филиал,
кафедра государственного и муниципального управления,
доктор исторических наук, профессор,
г. Пятигорск, Россия,
E-mail: director@ski.ranepa.ru

Чегарнова Вера Николаевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Северо-Кавказский филиал,
кафедра государственного и муниципального управления,
преподаватель,
г. Пятигорск, Россия,
E-mail: director@ski.ranepa.ru

Аннотация

В статье авторы в качестве эффективных механизмов «мягкой силы» рассматривают учреждение системы «приставств», идею «перемены нравов» П. Д. Цицианова, введение особых судов «мехкеме» и дипломатические успехи М. С. Воронцова.

Ключевые слова:

Soft Power, Северный Кавказ, управление горскими народами, П. Д. Цицианов, М. С. Воронцов.

В арсенале средств, способов и инструментов любого государства, которое имеет долгосрочные внешнеполитические цели, независимо от того, упрочение ли это собственного влияния в мире, проникновение на новые рынки, или обеспечение стабильных внешних условий для внутреннего развития [15, с. 95], всегда присутствовали два так активно обсуждаемые в современной политической философии типа власти: hard power и soft power, то есть дуальная метафора «жесткой» и «мягкой» власти» [20, с.173].

Ряд современных исследователей утверждает, что «в XXI веке каналы воздействия государства на международные процессы и другие страны расширяются, и более важным фактором, чем военная мощь и обладание ядерным оружием, являются экономический успех, идеологическая убедительность и культурная

привлекательность страны. А еще до недавнего времени чуть ли не главным инструментом внешней политики считалась жесткая сила» [11, с. 27]. Вполне закономерно, что с развитием политической науки и практики в оборот вводятся новые концепты, в частности концепт «мягкой силы», выдвинутый американским политологом Дж. Наем, но считаем необходимым отметить, что в истории распространения внешнеполитического влияния Российской империи, в частности на Северном Кавказе, есть примеры весьма успешного сочетания двух противоположных методов. С одной стороны – это военные операции, с другой – политика «приласкания», «умиротворения», «искусной дипломатии», что собственно свидетельствует о богатом арсенале различных методов мягкого воздействия на горские народы. Таким образом, современный

тезис – «сила мягкой власти действует так, что субъект свободно и добровольно ей подчиняется, воспринимает ее предписания как результат самостоятельного выбора» [20, с. 174] – может быть наглядно проиллюстрирован добровольным вхождением в состав Российской Империи целого ряда народов: кабардинцы (1 557), карабулаки (1 762), кистинцы (1 770), осетинские общества (1 774).

Дискуссия о преобладании жесткой или мягкой силы в той или иной политической ситуации велась на самом высоком уровне.

Устанавливая русскую централизованную власть среди горских народов, Екатерина II отмечала, что «в краткое время и сами они ощутят пользу из сего заведения и найдут собственную выгоду в причислении их под управление нами учрежденное» [6, с. 224]. Для этого императрица на первых порах придерживалась либеральной политики. Такая тактика обуславливалась и тем, что правительство не желало вызывать недовольства у местного населения жесткой политикой. Поэтому с целью подчинения присоединенных осетинского и кабардинского народов русской централизованной власти Екатерина II предписывала, «чтобы они в торге, промыслах, прочих позволенных упражнении имели свободу, и чтобы военные и гражданские начальники не стесняли их в том не под каким видом, но паче всяким благодеянием и помощью их подкрепляли» [13, с. 123].

В правительственных кругах, у высших чиновников, военных и исследователей существовали разные точки зрения на характер и методы управления окраинами, в том числе и Северным Кавказом. Одни из них считали необходимым в предельно короткие сроки ввести российское управление, делая ставку на силу оружия. «Снисходительность в глазах азиатцев – знак слабости», – говорил А.П. Ермолов, который в течение 10-ти лет сосредотачивал всю полноту власти на Кавказе. Поддерживал А.П. Ермолова командующий на Линии и в Черномории генерал А.А. Вельяминов, который предлагал отнимать у горцев плодородные земли и заселять их казаками, уничтожать посевы, сжигать сено и хлебные припасы. «Полагаю, голод – писал

он – единственное средство к покорению горцев в короткое время» [7, с. 117].

Следует заметить, что было немало высказываний в пользу разрешения вопроса о мирном присоединении кавказских народов к России. В марте 1804 г. командующий войсками генерал П.Д. Цицианов направил императору Александру I рапорт, где излагал «План умиротворения Кабарды». П.Д. Цицианов предлагал включить Кабарду в административную систему России, сделав ее внутренней провинцией, назначить туда особого начальника, создавать там школы, привлекать детей знати для службы в императорских войсках, покровительствовать мусульманской религии, способствовать беспошлинной торговле [17].

Такого же мнения был адмирал Н.С. Мордвинов, который в своей записке на имя Александра I рассуждал «О мерах, коими России удобнее можно привязать к себе кавказских жителей, чем покорением их силою оружия» [18]. Меры эти он видел в расширении просвещения, развитии торговли, знакомства горцев с государственным устройством России.

Подобные мысли высказывались генералом И.В. Гудовичем, Н.Н. Раевским, Э.О. Ришелье. Последний, будучи Новороссийским генерал-губернатором, в своем отношении к войсковому атаману Черномории Ф.Я. Бурсаку от 18 июля 1809 г. сообщил, что «закубанские владельцы показывают склонность к мирным сношениям» и просил употребить все средства «к привлечению к нам дружбы к доверенности сих народов, особенно через торговые сношения» [5]. Таким образом, все компоненты «мягкой силы» – культуру, правительство, образование, дипломатию, бизнес – царская администрация с большим или меньшим успехом применяла в конце XVIII–XIX веке на Кавказе.

Естественно, однозначно сказать, что возобладали та или иная тактика в процессе присоединения горцев нельзя. Политика власти на Кавказе была направлена, прежде всего, на умиротворение политической нестабильности, прекращение сопротивления горцев, укрепление позиций господствующего класса, вовлечение Северного Кавказа в общероссийскую экономическую

систему, усиление эксплуатации народов, максимальное использование природных богатств. Методы достижения этих целей были самые различные:

– жестокое подавление любого неповиновения, карательные экспедиции в горные ущелья, которые, по словам военного министра Барклая де Толли, «были полны ужаса для кавказских горцев» [21];

– территориальное стеснение и различного рода перенаселения, подкупы феодальной верхушки.

Однако наряду с этими мерами правительство всячески способствовало развитию торговли и вовлечению в нее горских народов. Христианизация населения сочеталась с одновременным сохранением мусульманского вероисповедания. Создание института приставств, внедрение российского судопроизводства носили также постепенный характер. При этом сохранялась старая административная и податная система, вводилось образование. Таким образом, «сохраняя традиционный образ жизни, власть прежних правителей, представляя населению защиту от нападений извне» [8, с. 37], правительство более гуманным способом решало поставленные задачи и добивалось немалых успехов в завоевании Кавказа.

Управление горскими и кочующими народами Северного Кавказа по мере их подчинения отмечалось довольно значительным многообразием и носило подвижный характер. Царское правительство не могло не учитывать всей сложности политической обстановки, большого разнообразия интересов, привычек, нравов, веками установившихся правовых норм, обычаев местных народов. Поэтому введение российского административного управления горцами велось с определенным учетом всех этих особенностей.

Одним из первых и важнейших институтов управления являлся институт приставства. Он позволял в сложной обстановке международной политической нестабильности, не позволявшей содержать в горских обществах большого аппарата, не вмешиваясь до поры во внутренние дела горских народов, наблюдать и изучать процессы, происходящие в горских обществах, а также

сдерживать и предотвращать их недовольство политикой властей и постоянно шаг за шагом вводить и распространять свое влияние на другие институты управления, такие как суды, военное и гражданское управление, образование, торговлю, введение податей и т. д.

Одним из первых приставское управление было введено в 1769 году в Кабарде «для присмотра за поведением кабардинцев» и «исполнения распоряжений правительства» [13, с. 125].

Первым приставом Кабарды был секунд-майор Дмитрий Туганов, внук известного в то время ногайского владельца Мусы Мурзы – «главного над солтанаульскими татарами, составляющими большую часть кубанского народа» [1, с. 83].

Одновременно устанавливалась правительственная плата за исполнение обязанностей пристава. «А дабы пристав мог без нужды себя содержать и кабардинцев, как... гостей угощать», определялось ему жалование, на «подарки и приласкание кабардинцев по 1 570 рублей, 11,5 копеек в год» [16, с. 140].

В функции главного пристава входило посредничество между народами Кавказа и администрацией. Главный пристав был обязан оказывать всем состоящим в его ведомстве народам покровительство и защиту, наблюдать, чтобы они пользовались «беспрепятственно рыбной ловлей, пашенными угодьями, торговым промыслом». Старшинам народов разрешались поездки в Петербург, однако, пристав должен был сообщать об этом в Коллегию иностранных дел заранее.

В 1804 году правительство поручило главноуправляющему Кавказским краем князю П. Д. Цицианову внести «коррективы в управление» [2, с. 9]. В 1805 году им был представлен проект, в котором предлагались некоторые изменения в системе управления кабардинцами. В основе системы, предложенной главноуправляющим, лежал принцип постепенности. По его мнению «перемены нравов и обычаев азиатских» можно было «ожидать с переменою целых и нескольких поколений» [19]. Идея «перемены нравов», выдвинутая П. Д. Цициановым заключалась: во-первых, в перемене воспитания

горцев; во-вторых, во введении среди жителей роскоши; и, в-третьих, в сближении с российскими нравами. Немаловажным условием признавалось также покровительство российскими властями (хотя бы «наружное») мусульманской вере и распространение среди населения Кавказа христианства. По мысли П. Д. Цицианова, в управлении кавказскими народами следовало руководствоваться их обычаями и традициями. Иначе, считал он, несоответствие юридических норм российского законодательства и привычных для горцев могло парализовать деятельность административных учреждений, в частности судов, действовавших в соответствии с законами Российской империи. П. Д. Цицианов предписывал начальникам на Кавказской линии оставлять горских владетелей «в прежнем их отношении к подданным», предоставлять им возможность производить суд и управление по обычаям страны. Но в то же время владельцы и старшины должны были находиться в поле зрения начальников российских гарнизонов. Чаще всего это были гарнизоны, расположенные поблизости населенных пунктов под предлогом защиты их территорий от соседей.

Такая тщательная подготовка к проведению преобразований в завоеванных областях значительно отличается от политики западных колониальных держав по отношению к покоренным ими народам. Н. С. Киняпина приводит мнение английского историка М. Эткина, который обращает внимание «на постепенность мер организации управления на Кавказе», считая это особенностью политики России, а также мнение его соотечественника А. Рибера, что русское управление Кавказом «гораздо больше, чем британское владычество в Индии, строилось на учете особенностей общественно-экономического уклада жизни других народов» [8, с. 42].

Еще одним методом мирного влияния, по мнению Екатерины II, могло стать «правосудие». «Не единого силою оружия подлежит побеждать народы, в непреступных горах, живущие и имеющие в оных горах от войск наших убежище, но паче правосудием и справедливостью смягчать, выигрывать сердца и приучать их боле общаться с русскими» [13, с. 147].

В своем известном проекте изменения системы в Кабарде, который Цицианов П. Д. вскоре представил на утверждение, касаясь системы судопроизводства, П. Д. Цицианов предложил пойти на уступки кабардинским феодалам и духовенству.

В 1807 году родовые суды и расправы перестали существовать, им на смену пришли суды «мехкеме», где все дела решались по шариату [14, с. 190]. В состав его входили: председатель «валий», два или три князя, восемь членов от дворян, секретаря и кадия, однако главной скрипкой был первосвященник и несколько при нем духовных особ [10, с. 165].

Правила функционирования духовного суда «мехкеме» оговаривались в «Народном условии», принятом летом 1807 года. Этот документ, по мнению известного ученого-кавказоведа Р. И. Леонтовича, представлял собой «маслагат» (народный ряд), составленный и утвержденный кабардинцами на народном собрании путем пересмотра и формулировки адатных норм [12, с. 48].

В его статьях трактовались взаимные обязанности между различными сословиями кабардинского общества, определялись условия выкупа пленных, выплаты десятины духовенству, отдельные статьи регулировали семейные и имущественные отношения.

Таким образом, характерными чертами российского управления горскими народами являлись: стремление к глубокому изучению нравов, обычаев, социально-экономического уровня, организации власти у местного населения; учет религиозного многообразия Северного Кавказа (христианство, ислам, язычество) и особой роли служителей культа, выполняющих зачастую властные, административные функции (муллы, имамы, муфтии, кадии); использование исторически традиционных структур и органов управления (суды-хасы, удельно-княжеский суд, суд мехкеме и т. д.); распространение института приставства, чиновники которых назначались российскими властями и действовали по правительственным наказам или уставам (1822, 1827 гг.); развитие судопроизводства в противовес старой горской системе, основанной на обычном праве

(адате); постепенный переход к российской правовой системе через постепенную смену форм судопроизводства (родовой суд, расправа, пограничный суд, временный суд и т. д.).

Эффективное использование инструментов мягкой силы ставит своей целью возникновение иллюзии взаимного интереса, доверия, уважения, взаимопонимания. На этой основе создается возможность влияния данного государства на политические процессы в конкретной стране. Одним из наиболее действенных инструментов в данном случае может выступать дипломатия. Ярким примером в истории Северного Кавказа стали дипломатические успехи наместника М.С. Воронцова.

М.С. Воронцов родился, воспитывался и вырос в семье дипломата графа С.Р. Воронцова, российского посланника на Британских островах. Михаил Семенович не только жил в обстановке дипломатической повседневности, но по прихоти отца с малых лет посылно участвовал в дипломатической жизни российского посольства, являясь техническим помощником своего отца, постепенно посвящавшего своего сына в тонкости дипломатического мастерства [9, с. 174].

В условиях войны на Кавказе дипломатия также играла роль средства достижения военных целей или целей политических и представляла иной способ борьбы с неприятелем. Основываясь на мнении императора Николая I, а также на опыте «кавказских колониальных деятелей», военный министр граф А.И. Чернышев в 1842 г. в секретной директиве к корпусному командиру генералу Е.А. Головину подверг критике систему действий российских властей на Кавказе, которая, «основываясь исключительно на употреблении силы оружия, оставила совершенно неиспытанными средства политические» [9, с. 176].

Искусное применение последних средств могло бы значительно облегчить России достижение её целей на Кавказе. М.С. Воронцов, один из немногих высших кавказских начальников, в продолжение всей Кавказской войны был наиболее расположен и подготовлен к проведению в жизнь такого рода системы.

Можно выделить несколько видов политико-дипломатических действий, которые диктовались условиями конкретной обстановки, общими обстоятельствами и задачами момента, которые М.С. Воронцов стремился реализовать к вящей удовлетворенности со стороны императора.

В этом направлении наместником использовались: 1) обращения и воззвания к разным группам горского населения с определенными целями текущего момента или с предложением перспективы; способом доставки в ту или иную этническую среду в данном случае выступали лазутчики и их доверенные лица; 2) открытые встречи и переговоры со старшинами горских обществ; 3) переговоры с отдельными влиятельными лицами горских народов в крепостях; 4) тайные встречи с лицами, желавшими скрывать свои контакты с русскими или просившие об определенных условиях; 5) контакты с группами влияния; 6) «ласкания»; 7) контакты-демонстрации; 8) письма-увещевания; 9) тайные операции и др. Большой интерес у наместника вызывала Чечня, где в 50-е гг. происходили важные военно-политические события. Его целью было не только изучение обстановки и настроений среди горских жителей, но так же «политическое воздействие на них, которого он никогда не оставлял прежде» [9, с. 177].

Идея поездок состояла в том, чтобы в преддверии перенесения решающих действий на территорию Чечни с целью пресечения её связей с Дагестаном, подтолкнуть чеченцев к выбору в пользу России.

В 1852 г. в Чечне М.С. Воронцов встречался с чеченской депутацией и вел мирные беседы, «оказывал внимание, ласкал, поощрял, интересовался» условиями существования чеченцев, все время указывая им на выгоды принятия русских условий. Это имело определенный результат. Вскоре после отъезда наместника из Чечни российскими властями отмечалось чрезвычайное увеличение «мирных» чеченских аулов [9, с. 180].

С российской стороны продолжались и не ослабевали усилия по приобщению населения Северо-Западного Кавказа к торговле и мирному образу жизни. Наместник и власти

кордонных линий старались убедить черкесов, что «для собственной своей пользы они должны искать в Русском правительстве то, чего напрасно добивались от чуждых к ним пришельцев народного благоустройства и спокойствия, <...> что веряя судьбу свою попечению могущественного и милостивого Монарха, они могут ожидать щедрот Е.В. всего полезного для своего благосостояния» [3, с. 688].

Российскими властями производилась демонстрация веротерпимости и уважительности к исламу на территориях, подконтрольных российским властям. Устраивались посещения ими русских крепостей для демонстрации предлагаемых им перспектив. Так в 1851 г. Л. М. Серебряков привозил представителей трех сильнейших фамилий среди убыхов – Берзеков, Дзеушей и Дешенов – в Новороссийск и показывал им Азиатскую школу, где «они были приятно поражены почтительностью правительства о воспитании детей горцев, а особенно тем, что дети обучаются мухамеданскому закону» [3, с. 688].

М. С. Воронцов выступал на дипломатическом поприще как конкурент в борьбе за умы горцев тем силам, которые стремились не допустить русских на Кавказ или препятствовали сближению Кавказа с Россией. Как отмечает О. Ф. Русакова «мягкая сила использует психологически привлекательные для субъекта инструменты влияния в целях незаметного реформирования в нужном направлении его ментальных структур» [20, с. 174]. Именно примеры воздействия на менталитет, убеждения, образ жизни народов Кавказа различными «мягкими» методами, приведенными в данной статье, свидетельствуют о богатом историческом опыте России в применении не только военных методов расширения зон своего внешнеполитического влияния. Естественно, что политика Российской империи на Кавказе не может быть в полной мере отождествлена с современным пониманием концепта «мягкая сила», но может и должна служить историческим примером успешного варьирования и чередования различных видов политического воздействия, применяемых в системе государственного управления России.

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (далее АКАК). В 12 т. – Тифлис. Типография Главного управления Наместника Кавказского. 1866–1904 гг. Т. 1. С. 83.
2. АКАК. Т. 2. С. 9.
3. АКАК. Т. X. С. 688.
4. Волконский, Н. А. Погром Чечни в 1852 году // Кавказский сборник. – Тифлис, 1880. Т. V. С. 212.
5. ГАКК. Ф. 249. Оп. Св. 89. Д. 288. Л. 302.
6. Дубровин, Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. – СПб., 1886.
7. Кавказский сборник. Т. 7. – Тифлис, 1883.
8. Киняпина, М. С. Административная политика царизма на Кавказе и Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. – 1983. № 4. С. 35–47.
9. Клычников, Ю. Ю., Лазарян, С. С. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX – начала XX веков (Исторические очерки). – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2012. – 330 с.
10. Кумыков, Т. Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (в конце XVIII–XIX вв. // Ученые записки Карардино-Балкарского НИИ. – Нальчик, 1963. Т. XIX.
11. Леонова, О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2013. № 4 (279). С. 027–040.
12. Леонтович, Р. И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1982. Т. 1.
13. Малахова, Г. Н. Становление и развитие российского государственного управления на северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001. – 400 с.
14. Ногмов, Ш. Б. История Адыгейского народа. – Нальчик, 1958.
15. Панова, Е. П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4. С. 91–97.
16. Потто, В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, биографиях. – СПб., 1886. С. 140.
17. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 105. Л. 35–38. АКАК. Т. 2. Д. 1943.
18. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 15. Л. 56–60.
19. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 951. С. 185.
20. Русакова, О. Ф. Концепт «мягкой силы» (Soft Power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 173–192.
21. ЦГИА Грузии. Ф. 1083. Оп. 1. Д. 77. Л. 2–5.

1. Akty, sobrannyye Kavkazskoy Arxeograficheskoy komissiej (dalee AKAK). V 12 t. – Tiflis. Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo. 1866–1904 gg. T. 1. S. 83.
2. AKAK. T. 2. S. 9.
3. AKAK. T. X. S. 688.
4. Volkonskij, N. A. Pogrom Chechni v 1852 godu // Kavkazskij sbornik. – Tiflis, 1880. T. V. S. 212.
5. GAKK. F. 249. Op. Sv. 89. D. 288. L. 302.
6. Dubrovin, N. Istoriya vojny i vladychestva russkix na Kavkaze. T. 2. – SPb., 1886.
7. Kavkazskij sbornik. T. 7. – Tiflis, 1883.
8. Kinyapina, M. S. Administrativnaya politika carizma na Kavkaze i Srednej Azii v XIX v. // Voprosy istorii. – 1983. № 4. S. 35–47.
9. Klychnikov, Yu. Yu., Lazaryan, S. S. Mozaika

severokavkazskoj zhizni: sobytiya i processy XIX – nachala XX vekov (Istoricheskie ocherki). – Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, 2012. – 330 s.

10. Kumykov, T.X. Iz istorii sudebnyx uchrezhdenij v Kabardino-Balkarii (v konce XVIII–XIX vv. // Uchenye zapiski Karardino-Balkarskogo NII. – Nal'chik, 1963. T. XIX.

11. Leonova, O.G. Myagkaya sila – resurs vneshnej politiki gosudarstva // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' – Observer. 2013. №4 (279). S. 027–040.

12. Leontovich, R.I. Adaty kavkazskix gorcev. Odessa, 1982. T. 1.

13. Malaxova, G.N. Stanovlenie i razvitie rossijskogo gosudarstvennogo upravleniya na severnom Kavkaze v konce XVIII–XIX vv. – Rostov-na-Donu, 2001. – 400 s.

14. Nogmov, Sh.B. Istoriya Adygejskogo naroda. –

Nal'chik, 1958.

15. Panova, E.P. Sila privlekatel'nosti: ispol'zovanie «myagkoj vlasti» v mirovoj politike // Vestnik MGIMO Universiteta. 2010. №4. S. 91–97.

16. Potto, V.A. Kavkazskaya vojna v otdel'nyx ocherkax, e'pizodax, biografijax. – SPb., 1886. S. 140.

17. RGVIA. F.VUA. D. 105. L. 35–38. AKAK. T. 2. D. 1943.

18. RGIA. F. 1286. Op. 2. D. 15. L. 56–60.

19. RGIA. F. 1268. Op. 1. D. 951. S. 185.

20. Rusakova, O.F. Koncept «myagkoj sily» (Soft Power) v sovremennoj politicheskoj filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2010. №10. S. 173–192.

21. CGIA Gruzii. F. 1083. Op. 1. D. 77. L. 2–5.

HISTORICAL ANALOGIES OF THE POLICY OF SOFT POWER IN THE NORTH CAUCASUS (THE END OF XVIII – XIX CENTURY)

Malahova Galina Nikolaevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
North Caucasian branch,
Chair of the state and municipal management,
The doctor of historical sciences, the professor,
Pyatigorsk, Russia,
E-mail: director@ski.ranepa.ru

Chegarova Vera Nikolaevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
North Caucasian branch,
Chair of the state and municipal management,
teacher,
Pyatigorsk, Russia,
E-mail: director@ski.ranepa.ru

Annotation

In the article of the authors as effective mechanisms of «soft power» consider the establishment of «a police force», the idea of «change of manners» of PD Sisianov, the introduction of special courts «mehkeme» and diplomatic successes of MS Vorontsov.

Key words:

Soft Power, the North Caucasus mountain peoples control, PD Sisianov MS Vorontsov.